

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Василий Пичул — один из немногих режиссеров, которые с легкостью переходят от одного жанра к другому. От драмы "Маленькая Вера" — к комедии "Небо в алмазах". От комической программы "Куклы" — к серии фильмов о политических деятелях бывшего СССР. От цикла документальных фильмов о терроризме "Четвертая мировая война" — к мюзиклу "Кинофестиваль". В 1988 году его имя прогремело по всей стране — "Маленькую Веру" посмотрело 55 миллионов зрителей. Пичулу было тогда 27 лет. О тяжелых буднях тележизни, о Сталине, терроризме, о Наталье Негоде и своей работе над киномюзиклом Василий Пичул рассказал в интервью "МК".

"Телевидение мне отбило и почки, и печень"

— Про вас говорят, что вы находитесь в хорошей режиссерской форме...

— Не представляю, что это могло бы значить. Режиссура — не профессия, а — как ни банально это звучит — образ жизни. За последние несколько лет я сделал много документальных проектов, которые вышли в эфир. Но с игровым кино не работал давно — последний раз

снимал в 1998-м.

— При помощи телевидения поддерживаете форму?

— Нет, оно возникло в моей жизни сразу после окончания института. В творческом объединении "Экран" мне дали возможность делать короткометражки, в двадцать с небольшим лет я шагнул в телевидение, и... оно сразу отбило мне почки и печень. Телевидение закалило так, что все проблемы с "Маленькой Верой" казались мне ничтожными по сравнению с боями на ТВ.

— Телевизионный мир настолько жестче?

— В кино есть процесс, понимание места режиссера и понимание того, кто делает кино. А на телевидении кино делает кто угодно, только не режиссер. Работа на ТВ очень хорошо формирует психику, понимание своего места и терпение к побоям. И понимание того, как можно выйти победителем.

"Любой политик — душегуб"

— После документального цикла "Четвертая мировая война" о терроризме вас обвинили в том, что вы не знаете историю: не было даже третьей, она называлась "холодной"... Как вы относитесь к критике?

— Концепция "Четвертой мировой войны" — не моя, но я ее разделяю. Что касается "холодной войны", то это была настоящая Третья мировая война, которую вели две сверхдержавы. Она началась с речи Черчилля в Фулtone и закончилась в 1991 году поражением СССР. Если мы примем простую мысль, что тотально проиграли Третью мировую, потеряли территории, экономику — все, что составляло нашу идеологию, — то сможем все восстановить.

Точка отсчета Четвертой мировой — 11 сентября. В этой войне самое сложное — понять, кто с кем воюет. Это похоже на 1939 год, когда Вторая мировая уже шла, но никто толком не понимал, кто с кем воюет.

— Но линии фронта действительно нет...

— Но есть энергоносители. И линия фронта, к сожалению, находится на нефтяных месторождениях. Стоимость барреля нефти — та цена, которую платит человечество. А взрывы домов, метро, автобусов — выяснение того, кто и почему будет покупать нефть.

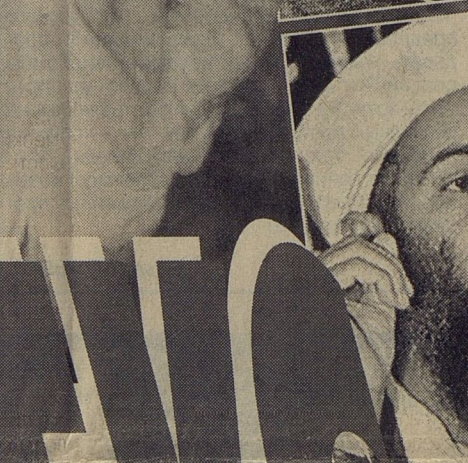
— Материалы для своих документальных исследований вы подбираете сами?

— Документальное кино — это общение. Любой фильм я начинаю с желания поговорить с кем-то — ведь нельзя к человеку просто прийти и сказать: "Здравствуйте, я Вася, давайте поговорим". Но если я добавляю фразу: "Я хочу взять у вас интервью для документального фильма", ситуация сразу меняется...

На съемках "Четвертой мировой" я познакомился с военным аналитиком Жангиром Арасом, который мне рассказал теорию Четвертой мировой, про линии фронта и так далее. И я ахнул, но нашел ответы на вопросы о том, что происходит в стране. Почему Ельцин такой, почему Путин такой. Они лидеры страны, которая проиграла, которую изнасиловали, и притом нужно сохранять лицо — если говорить о большой политике.

Гибнут простые люди, и мы не можем повлиять на эти процессы, но можем принять войну как реальность. Для того чтобы выжить, нужно принимать какие-то меры безопасности. Об этом и был фильм "Четвертая мировая война".

— Интерес к историческим лично-

стям, о которых вы сделали несколько фильмов, тоже личный?

— Конечно. Первым был проект про Сталина. Я принадлежу к поколению, которое знает про Сталина все с точки зрения советской диссидентской литературы. С другой стороны, я принадлежу к тем людям, которые уверены, что вся советская история фальсифицирована. Я решил отрешиться от эмоциональных образов и взглянуть на Сталина с позиции человека, который не испытывает ужас при слове "ГУЛАГ". Пошел в архивы, читал его письма к жене, детям, общался с людьми, которые его знали. То, что он величайший политический деятель страны, не признать нельзя. То, что страх в нашей стране — единственный способ, которым можно что-то по-настоящему сделать, — тоже очевидно. Цель мирового господства, которую Сталин перед собой ставил, могла быть достигнута только при помощи страха. Фильм был о Сталине как о личности — он и назывался "Сталин. Некоторые страницы личной жизни".

— Вас и обвиняли в том, что вы разделили личность и душегубство...

— Любый человек, в любой точке земного шара приходящий в политику, — душегуб. Это надо четко понимать. Любый политик — негодяй, и мы напрасно думаем, что все душегубы сконцентрированы в России. Вопрос в том, каким образом один негодяй становится великим, а другой остается просто негодяем. Я относился к Сталину как к шекспировскому персонажу. Для людей, проведших жизнь в лагерях, это звучит чудовищно, но история вообще — чудовищная вещь.

Когда я приехал в город Гори, где родился Сталин, то увидел, что это такая большая яма. Мальчик, родившийся в выгребной яме, стал властелином одной шестой части мира. Каким образом дикому, плохо владеющему русским языком парнишке это удалось?...

Потом возникло предложение сделать фильмы про всех генсеков. Больше всего меня заинтересовал Черненко — я открыл огромный пласт нового материала. Но фильм пока в эфир не ставят, и почему — не объясняют.

"Маленькая Вера" — это моя жизнь"

— Как вы пережили успех, свалившийся на вас в 1988-м после "Маленькой Веры"?

— Поначалу я решил, что все естественно: я показал, как надо снимать кино, и это оценили. Но потом пришло безумие: милиционеры с собаками охраняли кинотеатры, ветераны Великой Отечественной сражались за билеты с ветеранами Афганистана, в Тимирязевский отдел милиции пришло письмо, в котором меня хотели привлечь к ответственности за то, что женщину изнасиловали способом "Маленькой Веры"... А мне 27 лет...

Передо мной открылась бездна. Я тогда еще не знал диагноза, но понимал, что это страшная болезнь. И влез туда, в эти извья. И когда ко мне в Канаде подходили зареванные тетки и говорили, что это про их жизнь (а я только что в соседнем магазине купил первые джинсы), я отвечал: "Дура, какая ваша жизнь, вы же в Канаде!"

— Но это ваша жизнь?

— Да, полностью. Я жил такой жизнью до 17 лет, это жизнь моей семьи, я родился в этом доме, в этом городе. Самое ужасное, что уже после фильма был убит мой родственник: его зарезала жена...

— Как вы нашли Наталью Негоду?

— Она была первая, кого привел директор. Негода тогда снималась у Кары в фильме "Завтра была война" и получала деньги в кассе. И я не могу сказать, что обрадовался. Негода не пыталась вызвать к себе никакой симпатии, про нее всегда рассказывали жуткие истории — как она ведет себя в жизни, как в театре... Получалось нечто ужасное, и я, конечно, не горел желанием приглашать ее в фильм. И когда актриса, которую мы в результате выбрали, отказалась от роли, Татьяна Лиознова, бывшая по тем временам вроде продю-

судьбе, и Татьяне Лиозновой, потому что Негода стала тем нервом, который внес в фильм энергетику. Это мой первый фильм, в нем масса ошибок, но никто их не видит, потому что там есть энергетика.

— Куда Негода потом пропала?

— Мы с ней сняли еще один фильм — "В городе Сочи темные ночи", и у нее началась американская жизнь. На съемках "Маленькой Веры" она очень смешно вела себя. Когда я просил ее сделать что-то сложное — раздеться, например, — она всегда спрашивала: "А что от этого изменится в моей жизни?" Своим вопросом она ставила меня в тупик: ну что я в таком возрасте мог знать о жизни? Я пыжился, пытался рассказать ей про Каннский фестиваль, про все эти пафосные вещи. Но единственный человек, у которого изменилась жизнь после "Маленькой Веры", была Наташа, которая этим фильмом вымолила у судьбы новую жизнь, получила возможность сниматься в Голливуде. В житейском смысле она состоялась абсолютно, в актерском — могут быть, конечно, вопросы.

Сейчас вокруг меня ходит один человек, которого я очень боюсь, — он угрожает мне снять продолжение. Есть даже название — "Следующая Вера" — и есть история. И Наташа, которая всегда категорически отказывалась от всех продолжений, всерьез задумалась. Это не будет продолжением в традиционном смысле. Будет другой фильм, про другую Веру.

Актеры и люди, ставшие героями фильмов Пичула: Наталья Негода, Сергей Крылов, Иосиф Сталин, Бен Ладен.

Василий ПИЧУЛ дал советским людям "Маленькую Веру" в большой секс

"Папа говорил, что надо сделать настоящую песню"

— У вас только что закончился съемки мюзикла "Кинофестиваль". Почему вы взяли именно за этот жанр?

— Две причины. У моего папы — а он работал на заводе — был любимый фильм: "Весна на Заречной улице" Марлена Хуциева. И была любимая песня из этого фильма. И когда он был жив, то говорил, что надо сделать вот такую песню, настоящую песню... Я по молодости не понимал, что такое "настоящая песня", а сейчас понимаю: от души, из сердца. Вторая причина связана с Ингмаром Бергманом, который говорил, что режиссер себя может проявить только в опере. Потому что в любой истории можно спрятаться за быт, а в музыкальной — нет. Опера — высшее проявление профессионализма.

— Вы довольны тем, что получается?

— Мюзикл для меня — абсолютное создание своего мира, оно никак не связано с реальностью, и это невероятно интересно, потому что нет никаких ограничений, кроме бюджетных. Ты делаешь то, что ты хочешь, и красишь стены в тот цвет, в какой хочешь. И то, что судьба подарила мне возможность делать мюзикл в ситуации, когда я контролирую все — от ноты до съемочного процесса, — удача. Стихи нам написал Виктор Пеленягрэ, музыку — Алексей Шелыгин. С Шелыгиным я познакомился в 1994 году на "Куклах", мы с делали полнометражный кукольный фильм "В Новый год с чистой совестью" — в стенах таганского тюрьмы, со словами Вадика Степанцова. В "Кинофестивале" у меня 25 музыкальных номеров, из них 23 — вокальных.

— Вы, говорят, чудеса творите на площадке "Кинофестиваля": слона привели, быка...

— Какой там слон! Привезти слона на студию стоит 1000 долларов в час — это ерунда. В первую очередь у меня играют великие актеры, прекрасные актеры — Виктор Проскурин, Юрий Колокольников, Алика Смехова, Григорий Сиятвинда, Олег Штефанко. Я получаю огромное удовольствие от работы с ними — они сами научились петь, танцевать и при этом драматически играть.

Мне один человек сказал, когда отказывал в работе, что я перфекционист. Я сначала обиделся, добежал до словаря — и понимание смысла этого слова скрасило горечь отказа. Сейчас я имею дело с оператором, который еще больший перфекционист, чем я. Алексей Сеченов снял "День Победы" с Гариком Сукачевым и все музыкальные ролики всех звезд, которые у нас существуют.

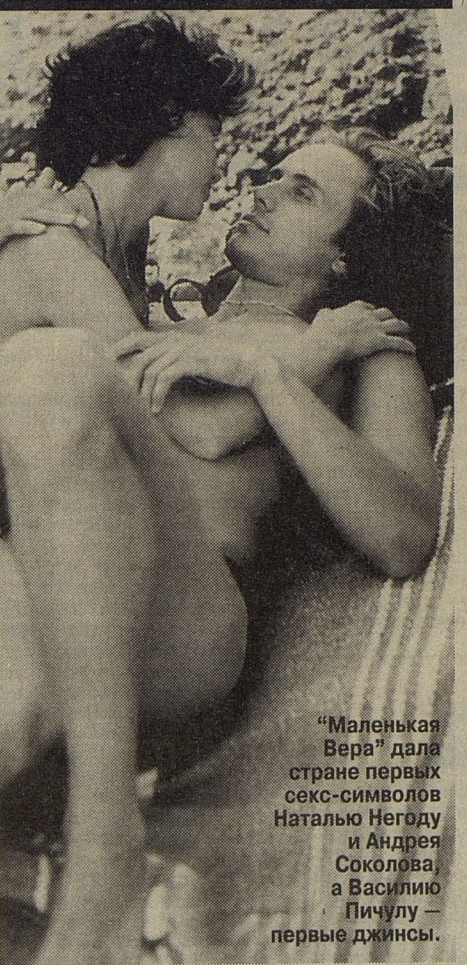
Я надеюсь, что фильм выйдет в прокат; надеюсь, что люди заплатят за билет деньги; надеюсь, что денег будет столько, что все останутся счастливы.

— Вы, похоже, очень увлекающийся человек...

— Конечно, а как же иначе? Если не любить своих персонажей, нельзя снимать кино — игровое или документальное, все равно.

— Все свои увлечения реализовываете?

— К сожалению, нет. У меня есть несколько сценариев, под которые я не могу найти деньги. Свой интерес к документальному кино я на данный момент исчерпал, тем более что сейчас на нашем телевидении трудно быть демонстративно независимым: ты должен быть частью команды и принимать ее правила игры. В последний момент у меня рухнул сериал по роману Юзефовича. Канал заявил, что фильм "Гибель империи", который делал Хотиненко, получил очень низкий рейтинг, поэтому они не верят в Юзефовича. Ну что тут можно говорить о месте режиссера?...

"Маленькая Вера" дала стране первых секс-символов Наталью Негоду и Андрея Соколова, а Василию Пичулу — первые джинсы.

сера, заставила показать еще раз пробы и выбрала Негоду. А я был так раздавлен предательством предыдущей актрисы, что мне было совершенно все равно.

— С Натальей было сложно на площадке?

— Очень легко. Она великая актриса, а про великих всегда говорят гадости. Она реально не понимала эту жизнь: сама Наташа — москвичка, мама — режиссер на телевидении, папа — актер, для нее мир "Маленькой Веры" был абсолютно закрыт. Но она органично в него вошла — это не от мозга идет, а от таланта. И я благодарен и